

МЕРА В КУЛЬТУРЕ: СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ И ПРИНЦИПА

Аннотация. Известно много исследований по самым различным понятиям и категориям, где анализируется их роль в познании и практической деятельности. Но мера, значение которой в жизни и в культуре было осознано вполне отчётливо ещё древними мыслителями, уделяется не так уж много внимания. О мере знали в античности, связывали её с потаённым чувством самобытности всего сущего. В XX в., исследуя меру, выделяли качество и количество в их обособленности и взаимосвязи, предполагая, что они и составляют её содержание. А когда речь заходила об анализе меры самой по себе, то исследовались не столько понятие, сколько меры каких-либо объектов. Статья представляет собой историко-культурологическое исследование, в рамках которого использовался аналитический, диахронический, сравнительно-исторический (компаративистский) методы. Мера, если рассматривать её как принцип деятельности, обладает двойственностью. С одной стороны, она есть то, чем, по словам Аристотеля, познается количество. Эту сторону можно определить как измерительную, или метрическую. Другая сторона меры является качеством, которым оцениваются те или иные свойства. Её можно определить как оценочную, или аксиатическую. Две стороны деятельности — измерительная и оценочная — выражали различные отношения человека к миру.

Ключевые слова: мера, качество, количество, измерение, человек-мера, аксиатическая функция, метрическая функция, деятельность, чувство меры, безмерность.

А через искусство возникает то, форма чего находится в душе (формой я называю суть бытия каждой вещи и её первую сущность)...

(Аристотель. Метафизика, 1032b)

Не будет, конечно, особым открытием мысль о том, что более значимые для жизни вещи интересуют человека меньше, чем то, без чего в жизни можно вполне обойтись. В науке и в образовании, кстати, дело обстоит подобным же образом. Известно много исследований по самым различным понятиям и категориям, где анализируется их роль в познании и практической деятельности. Но мера, значение которой в жизни и в культуре было осознано вполне отчётливо ещё древними мыслителями, уделяется не так уж много внимания. При этом очевидны, казалось бы, и отсутствие у нас вразумительных представлений о чувстве меры, как и самого чувства, конечно, и умения определять меру собственной деятельности до того, как станет она неумеренной. Оттого, что меры не знаем, мы из крайности в крайность бросаемся: в политике, в экономике, в частной жизни. А о мере самой по себе можем сказать не больше,

чем содержится в определениях из учебных пособий: «интервал количественных изменений без соответствующего изменения качества». Ощущение такое, что в древности суждения о мере были глубже и тоньше.

О мере знали в античности, связывали её с потаённым чувством самобытности всего сущего. В XX в., исследуя меру, выделяли качество и количество в их обособленности и взаимосвязи, предполагая, что они и составляют её содержание. А когда речь заходила об анализе меры самой по себе, то исследовались не столько понятие, сколько меры каких-либо объектов. Подобные исследования были актуальны во времена господства марксистской диалектики, то есть лет 25–30 тому назад. Позже интерес к подобным исследованиям, не подогреваемый идеологическими соображениями, постепенно угас. Поэтому так и остался незавершённым содержательный анализ меры, анализ реальных потребностей, побуждавших философов прошлого обращаться к ней и превозносить её.

Мера относится к числу интуитивно данных и понятных категорий. Как понятие она широко используется не только в науках, но и в быту. В от-

личие от многих других категорий, она представлена и в виде целого ряда своих воплощений: меры веса, длины, стоимости, всевозможные нормы, образцы, эталоны и т.п. Всё это порождает представления о мере как о завершённой, «законченной» категории. В философии этому способствует и то обстоятельство, что в системе Гегеля, оставшейся, разумеется, классической, анализ меры представлен настолько полным и обстоятельным, что сама мера приобрела весьма ощутимую степень образности, зримости и, соответственно, статус общекультурной категории. Образ меры, как и всякий образ в культуре, существенно ограничил возможности её содержательного анализа. Поэтому позже, и прежде всего в марксистской философии, представления о мере по-прежнему оставались в рамках образа некоторых границ, в пределах которых количественные изменения не сопровождаются изменениями качества¹. Существуют труды и по истории данной категории, но они ограничиваются в основном лишь перечислением её словоупотреблений². Несомненно, такие исследования необходимы, но отсутствие в них анализа оснований, благодаря которым стало возможным использование меры в самых различных, иногда весьма далёких от философии, сферах деятельности, снижают их ценность. Без такого анализа категория меры остается малосодержательной, сомнительной полезности «игрой» в сочетании количества и качества. В искусствознании или в эстетике, например, мера употребляется в ином — не «качественно-количественном» — понимании. А в каком отношении находятся философское понимание меры и понятия «норма», «мера» в этике? Неясность употребления категории в этой области является следствием упрощённого, поверхностного понимания меры в самой философии.

Присущее мере богатство содержания раскрывается в анализе её именно как развивающегося понятия. Несомненно, подобный анализ сложен и сам по себе. Недаром ещё Гегель писал, что развитие меры «есть один из самых трудных предметов рассмотрения»³. Однако трудность здесь не только техническая, но и принципиальная, связанная с по-

ниманием того, что развитие категории есть развитие деятельности человека в культуре, а также обогащение его отношений к предметам своей деятельности.

Уже самый поверхностный анализ всевозможных употреблений понятия меры свидетельствует о том, что каждое из них содержит в себе нечто большее, чем соответствующие ему предметы и явления. Не в смысле того бесспорного факта, что содержание любого понятия должно быть бесконечно глубоким из-за неисчерпаемости самих предметов и явлений. Богатство содержания меры, скорее, интуитивно чувствуемое, чем явно осознаваемое, связано не столько с объективной реальностью самой по себе, сколько с теми значениями, какие она имеет для человека. Мера предметов и явлений в действительности скрывает отношение к ним человека. В этом отношении — богатство содержания меры, постепенно вытесняемое из понимания и заслоняемое представлениями о ней как о свойстве самих предметов. Формы деятельности с предметами превращались в формы этих предметов. Из поля зрения выпала, как выпадает из созерцания само поле зрения, наиболее содержательная часть категории, которая лишь в весьма ограниченных пределах может быть выражена представлением о механизме количественно-качественных отношений. Но как исходный этап становления меры и как постоянно, хотя и незримо, присутствующий в ней её элемент, эта часть не исчезла совершенно. Истоки категории сохраняются в богатстве смыслов, которыми она наделяется в различных областях деятельности. Действительное понимание меры, следовательно, не будет полным, если в него не включить как можно большее число таких смыслов и не попытаться обнаружить общее для них основание.

Таким общим основанием, и не только применительно к категории «мера», является отношение человека к окружающему миру. Учёт этого отношения как исходного пункта любого философского исследования в анализе меры особенно важен, поскольку в ней полнее, чем во многих других категориях, отражены человеческие устремления и идеалы. Ведь сам человек, с его витальными и духовными потребностями, является, в конечном счёте, начальной мерой указанного отношения. Это означает, что побуждаемая потребностями человеческая деятельность, в том числе и культуротворческая, является той субъективностью, которая самому человеку дана как нечто объективное.

¹ См., например: Материалистическая диалектика: В 5-и тт. М., 1980. Т. 1. С. 165–167.

² См., например: Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М., 1964.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х тт. М., 1970. Т. 1. С. 422.

А идеальным выражением этой данности является соизмеримость и конечное единство деятельности с окружающим миром, что в теоретической форме схвачено категорией меры. Но в такой форме мера является уже не только категорией, но и принципом, организующим человеческое бытие и мышление. Самым элементарным и распространённым видом деятельности, в котором мера присутствует как единственно необходимый её инструмент, является измерение.

Под измерением вообще понимается процедура, при которой измеряемый объект сравнивается с некоторым эталоном и получает численное значение. Кажущаяся объективность измерения присуща относительно развитым познавательным актам. Первоначально же оно осуществлялось как «простое сравнение вещей по степени проявленности в них того или иного свойства»⁴. Понятно, что на ранних этапах измерение являлось скорее оценкой, то есть осознанием ценности и соответствия потребностям человека тех или иных свойств вещей. Естественно, что субъективный фактор играл при этом если и не решающую, то весьма существенную роль.

Таким образом, первой мерой, которой воспользовался человек, был он сам. И это означает, что такой мере органически была присуща и оценка, представляющая собой, по определению А.Г. Спиркина, чувственное выражение отношения «человека к имеющимся или предполагаемым обстоятельствам, к своей деятельности и её результатам, к другим людям...»⁵. Позже мерой становится человеческая телесность, используемая при измерении свойств окружающего пространства, поскольку, как полагают исследователи, «только для него первобытный человек имел с самого начала совершенно естественный и непосредственно ему данный измеритель, а именно самого себя. То, что расстояния измерялись задолго до того, как появились меры веса и объема, является совершенно очевидным и само собой разумеющимся. В этой связи известно суждение Протагора, согласно которому человек есть мера всех вещей, приобретает буквальное значение»⁶. Но и для культуры средневековья,

писал А.Я. Гуревич, было естественным «измерение пространства при помощи человеческого тела, его движения, способности человека воздействовать на материю. Человек здесь физически был «мерой всех вещей», и прежде всего земли»⁷.

Первые шаги в измерении стали шагами осознания человеком себя в качестве инструмента. Становясь средством измерения, человек вместе с тем становился и его целью. Относясь к себе как к мере своего окружения, он, очевидно, был для самого себя исходным качеством. В том смысле, что если первые его представления о количестве находились в прямой зависимости от умения отличать свойства предметов друг от друга и себя самого от этих свойств, то первые представления о качестве были вместе с тем и его самосознанием.

Вместе с тем, чем более человек выделял себя в качестве меры, тем более его самосознание «дегуманизировалось», становилось осознанием внешнего мира. Достоинство человека в качестве меры вытеснялось количеством не соответствующих ему свойств, составлявших содержание его сознания. А познание развивалось в той мере, в какой он находил способы устранения несоответствия. Мир человеческого окружения постепенно становился пространством преодоления неумеренных, с точки зрения человека, свойств. Он становился подобным человеку, человекообразным, культурой, а знания, которые впоследствии приобрели статус научности, отличаются от первобытного антропоморфизма лишь тем, что в них систематизированы и отражены свойства предметов, удовлетворяющие не витальные, а культурные потребности. Антропоморфизм, следовательно, стал культуроморфизмом.

Роль меры, которой себя по необходимости наделил человек, оказалась внутренне противоречивой. С одной стороны — антропоморфность, с другой — «дегуманизация». И чем более утверждал себя человек в качестве меры, тем более явным было противоречие. Понятно, что источник противоречия находился в раздвоении исходного единства человека с миром. Память об утраченном единстве сохранилась не только в мифологическом, но и в более позднем мышлении: как убеждение в изначальной мере всего сущего, включая человека. Но вопреки памяти, именно раздвоение становилось характерной особенностью челове-

⁴ Тимофеев И.С. Операции счёта и измерения как переходы от качества к количеству в познании // Философские науки. 1962. № 4. С. 69.

⁵ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 111.

⁶ Романова Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. С. 7–8.

⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 50.

ской деятельности. Её структура, если говорить о ней как о следующем этапе становления меры и, соответственно, о способе человеческого бытия, имела два всё более явно различимых элемента: человека в качестве её субъекта и многообразие его отношений к миру, выраженных в растущем количестве знаний и способов его преобразования.

Но и мера, если рассматривать её как принцип деятельности, обладает аналогичной двойственностью. С одной стороны, она есть то, чем, по словам Аристотеля, познаётся количество⁸. Эту сторону можно определить как измерительную, или **метрическую**. Другая сторона меры является качеством, которым оцениваются те или иные свойства. Её можно определить как оценочную, или **аксиатическую**⁹.

Две стороны деятельности — измерительная и оценочная — выражали различные отношения человека к миру. Развитие и усложнение деятельности проявлялось в создании необходимых средств, воплощавших обе стороны. Таковыми были меры в виде некоторых образцов, эталонов, норм, примеров, идеалов и т.п. Но, как и сам человек, они содержали в себе две неразличимые вначале функции — метрическую и аксиатическую. Дифференциация деятельности, переход к относительно массовому производству способствовал обособлению функций. Мастерство, например, могло проявляться в том, чтобы создавать вещи не хуже известного образца, производить их количество в пределах определённого качества. Но в создании самого образца, например, шедевра, вопрос о количестве мог вообще не возникать. Подобный вид деятельности — его можно определить как художественный — порождал новые меры, преимущественно в аксиатической функции. Оба вида деятельности, дополняя друг друга, обретали со временем самостоятельность в использовании какой-либо одной из функций меры. Появился ряд её модификаций, каждая из которых служила либо средством измерения, либо средством оценивания.

Например, в метрической функции, меры представлены как абсолютизированные свойства предметов или процессов. Таковы меры длины, времени, веса и т.д. Появление таких мер в качестве овециствлённых абстракций свойств внешнего мира отвечало потребности представить их

наглядно, придать им статус объективности и всеупотребимости. Вес, к примеру, невозможно представить и тем самым практически обращаться с ним иначе, как в виде овециствлённого эталона. Подобные эталоны являются строго определёнными качествами, которые не «терпят» никаких количественных изменений, и именно поэтому могут служить средством измерения количества. Их имел в виду Аристотель, когда определял меру.

Наряду с этим появлялись меры, употреблявшиеся преимущественно в аксиатической функции. В них были представлены абсолютизированные свойства внутреннего мира человека, его духовности. В таких мерах фиксировались нормы нравственности, образцы и модели поведения, различные оценки поступков и т.п. В искусстве они представлены различными образами, типами, портретами героев, стилями, направлениями и т.д.

Разделение человеческой деятельности на преобразующую внешний мир, основанную преимущественно на познании количества, и организующую внутренний мир человека, культивирующую его духовные качества, постепенно закреплялось в использовании им различных функций меры — метрической и аксиатической. Здесь нет необходимости устанавливать причинно-следственную связь между обоими процессами — разделением деятельности и функций используемых мер. По сути это две стороны одного процесса, начавшегося с первых попыток человека использовать себя в качестве средства достижения собою же поставленных целей. Между тем, уже в самих попытках заключалось противоречие. Ведь, с одной стороны, они свидетельствуют о его неудовлетворённости миром и самим собой, а с другой — о сознании достаточности себя как средства удовлетворения. Таким образом, человеческая двойственность влекла за собой противоречивое единство человека в качестве меры, одна сторона которой полагалась им как средство познания и преобразования, другая — как средство сохранения и упрочения ценности и самодостаточности.

Конечно, условность такого деления очевидна. В действительности оно было намного сложнее, чем простое разделение человека, деятельности, используемых им мер на внутреннюю и внешнюю стороны, на качество и количество, на ценности и их отношения. Ведь и для себя самого человек был не только ценностью (качеством), но и количеством. Даже его размножение как био-

⁸ Аристотель. Соч.: В 4-х тт. М., 1975. Т. 1. С. 253.

⁹ Именно «аксиатическую», поскольку речь идёт не о науке о ценностях.

логического вида, чрезмерная концентрация индивидов сопровождалась вполне понятным снижением ценности каждого из них и становились объектом простого счёта и измерения. С другой стороны, и к внешнему миру человек относился не только как к объекту измерения, преобразования, но видел в нём и самоценность. И всё же, начавшееся на пороге культуры разделение деятельности становилось необратимым и привело со временем к появлению двух, относительно самостоятельных, типов культуры: естественнонаучной и гуманитарной. И снова: здесь множество опосредствований, связей, переходов. Но все они не исключают того факта, что в сфере своей деятельности человек и окружающий его мир постепенно становились лишь средствами познания и преобразования. Живой, реальный индивид утрачивал роль неразвитой, но единой в своих проявлениях меры и подчинялся закономерностям приведённого им в движение мира. Но эта утрата неразвитого единства возмещалась преобладанием одного из его отношений — преобразовательного, и, соответственно, развитием одной из функций используемых им мер — метрической. Господствующим, поэтому, становился язык количества.

Однако тот факт, что природа человека эволюционировала не так стремительно, как его деятельность и соответствующее окружение, свидетельствует о присущих ему свойствах, которые не были охвачены всеобщим преобразованием. И лишь отдельные, периферийные, сферы деятельности человека оказались направленными на сознание подобных свойств, т.е. являлись его самосознанием и условием сохранения человеческих качеств. С развитием деятельности, следовательно, её мера не только изменялась, но и сохранялась. В единстве изменения и сохранения выражена, таким образом, мера развития самого человека.

Если теперь кратко подвести итог сказанному, оставив в стороне анализ деятельности, но имея в виду эволюцию меры как её принципа, то можно отметить следующее.

Сначала мера была абстрактным единством качества и количества, без опосредованных моментов. Развитие меры приводит к тому, что каждая из сторон этого единства становится средством реализации друг друга. Появившееся различие сторон как их отношение является уже количественным. Мера, поэтому, становится отношением, определяемым количественными изменениями. Они до некоторых пор и представляют собой развитие

самой меры, осуществляемое, следовательно, посредством одного из её моментов — количеством. Это и становится существенной определённой мерой, т.е. качеством. В гегелевской «Науке логики» такому этапу соответствует понятие реальной меры как ряда отношений мер.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее: реальность меры не в «борьбе» количества с качеством и не в их единстве. Этими категориями, скорее, подводится итог в описании её реальной диалектики. В мере важен именно момент **перехода**, то есть превращение количественных изменений в качественные, и обратно. Иными словами, количественные отношения **становятся** качественными, и наоборот. Это **взаимостановление** можно назвать «борьбой», но не нужно забывать, что смысл её — в конечном преобладании одной из сторон, «снимающей» в себе другую. Здесь как при ходьбе: используются обе ноги, но в каждый момент человек опирается лишь на одну из них. Участие обеих ног не означает, что в движении они используются одновременно. Если это и случается, то перемещение прекращается и наступает покой. И так же, как и при ходьбе, когда движение вперёд есть сопутствующее падение корпуса двуногого существа, так и развитие меры есть её «падение». Не только в том отношении, что качество превращается в количество, но и в том, что мера является, становится либо качеством, либо количеством.

Если же теперь определить новую ступень эволюции меры, то ею будет постепенное преобразование количественных изменений, преобладавших на предыдущем этапе, в изменение самого качества. Здесь мера есть не просто отношение обеих сторон, но отношение, определяемое появлением нового качества. Это, в сущности, ступень меры, о которой принято говорить как о границах количественных изменений. Однако преодоление границ есть не просто появление всякого иного, безразличного к предшествующему, «снятого» в количестве качества. Границы количественных изменений есть вместе с тем пределы отмеченного выше перехода, который, следовательно, прекращается и становится отношением к себе своего результата. Это отношение в определенном смысле подобно исходному, непосредственному отношению моментов качества и количества в мере. Но теперь оно развито взаимопревращением этих моментов друг в друга. Это — существенное отношение. Мера, поэтому, говоря словами Гегеля, есть

уже «снятое бытие, которое есть **сущность**» (подчёркнуто Гегелем. — В.П.)¹⁰.

Здесь завершается определённый цикл развития меры и этап её анализа как принципа познавательной и преобразующей деятельности. Человек воспроизводит общие, количественно выразимые свойства вещей, являясь их универсальной мерой. Но универсализм такой меры может быть определён лишь одной из её функций — метрической. Аксиоматическая функция меры используется им, как правило, лишь в отношении к самому себе. В социальной сфере, где он является предметом измерения и изменения, отношение к нему мало чем отличается от отношения к вещам. Если отношение человека к миру и к самому себе определено вещью, то каким бы глубоким оно ни было, человеческое, в конце концов, вытесняется вещным. И мера подобного отношения — это мера самой вещи. Не человек, как у Протагора, есть мера всех вещей, а наоборот: вещь становится мерой человека.

В словах Аристотеля, предпосланных статье, выражена мысль о душе, где находится форма, т.е. суть бытия (первая сущность). Речь, конечно же, идёт о мере, которую, о чём говорит и народная мудрость, душа знает. Чувство меры, по убежде-

нию мудрецов Эллады, — это высший и последний дар богов человеку. Всю историю культуры можно рассматривать как борьбу этого чувства с безмерностью¹¹. Аристотель полагал, что чувство меры возникает «через искусство». Может быть, и через искусство, очищающее действие (катарсис) которого отмечалось ещё в глубокой древности. Да и сегодня роль искусства оценивается чрезвычайно высоко. М.С. Каган, например, полагал, что «искусство выступает как центральная подсистема культуры и форма её самосознания»¹². Но искусство, очищающее душу и пробуждающее чувство меры, само, в свою очередь, может быть мерой человека. Чем оно, в таком случае, отличается от вещи, идола, требующего жертв и уподоблений? Необходимо признать, следовательно, что категория меры должна быть осознана как принцип, как необходимость для человека быть мерой самого себя. Этому препятствует отмеченное выше раздвоение меры, преобладание в ней на этапе цивилизации метрической функции, разделение деятельности и «расколотовость» человеческого бытия. А оно, как пишет известный отечественный философ П.С. Гуревич, «не может быть понято изнутри в качестве объекта внешнего постижения»¹³.

Список литературы:

1. Аристотель. Соч.: В 4-х тт. М., 1975. Т. 1.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х тт. М., 1970. Т. 1.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
5. Гуревич П.С. Расколотовость человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2009.
6. Ларин Ю.В. Проблема генезиса культуры // Проблемы истории культуры: Сб. науч. тр. Вып. 5. Нижневартовск, 2008. С. 3–12.
7. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М., 1964.
8. Материалистическая диалектика: В 5-и тт. М., 1980. Т. 1. С. 165–167.
9. Недугова И.А. Диалектика культуры и сознания: предметный подход // Философия и культура. 2012. № 5. С. 52–60.
10. Полищук В.И. Культура сквозь призму понятия «мера» // Культура как вид человеческого бытия и познания: сб. материалов Всероссийской науч. конф. с международным участием в ИГПИ им. П.П. Ершова. Ишим, 2013. С. 54–57.
11. Романова Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
12. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
13. Струк Е.Н. Экспликация категории предел в современной философии // Философия и культура. 2013. № 8. С. 1077–1082. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.4883).
14. Тимофеев И.С. Операции счёта и измерения как переходы от качества к количеству в познании // Философские науки. 1962. № 4. С. 69.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 262.

¹¹ См. об этом: Bollnow O.F. Mass und Vermessenheit des Menschen. Göttingen, 1962.

¹² См.: Философия культуры. Становление и развития. СПб., 1998. С. 416.

¹³ Гуревич П.С. Расколотовость человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2009. С. 5.

15. Философия культуры. Становление и развитие. СПб., 1998.
16. Bollnow O.F. Mass und Vermessenheit des Menschen. Göttingen, 1962.

References (transliteration):

1. Aristotel'. Soch.: V 4-h tt. M., 1975. T. 1.
2. Gegeľ G.V.F. Nauka logiki: V 3 t. M., 1970. T. 1.
3. Gegeľ G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. M., 1974. T. 1.
4. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. M., 1972.
5. Gurevich P.S. Raskolotost' chelovecheskogo bytiya. M.: IF RAN, 2009.
6. Larin Yu.V. Problema genezisa kul'tury // Problemy istorii kul'tury: Sb. nauch. tr. Vyp. 5. Nizhnevartovsk, 2008. S. 3–12.
7. Losev A.F., Shestakov V.P. Istoriya esteticheskikh kategorii. M., 1964.
8. Materialisticheskaya dialektika: V 5-i tt. M., 1980. T. 1.
9. Nedugova I.A. Dialektika kul'tury i soznaniya: predmetnyi podkhod // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 5. S. 52–60.
10. Polishchuk V.I. Kul'tura skvoz' prizmu ponyatiya «mera» // Kul'tura kak vid chelovecheskogo bytiya i poznaniya: sb. materialov Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem v IGPI im. P.P. Ershova. Ishim, 2013. S. 54–57.
11. Romanova G.Ya. Naimenovanie mer dliny v russkom yazyke. M., 1975.
12. Spirkin A.G. Soznanie i samosoznanie. M., 1972.
13. Struk E.N. Eksplykatsiya kategorii predel v sovremennoi filosofii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 8. S. 1077–1082. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.4883).
14. Timofeev I.S. Operatsii scheta i izmereniya kak perekhody ot kachestva k kolichestvu v poznanii // Filosofskie nauki. 1962. № 4. S. 69.
15. Filosofiya kul'tury. Stanovlenie i razvitie. SPb., 1998.
16. Bollnow O.F. Mass und Vermessenheit des Menschen. Göttingen, 1962.